

Лев Бердников

Всешутейший Собор

Смеховая культура царской России

История и наука Рунета

Лев Бердников

**Всешутейший собор. Смеховая
культура царской России**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 930.85(47)

ББК 63.3(2)-7

Бердников Л. И.

Всешутейший собор. Смеховая культура царской России /
Л. И. Бердников — «Издательство АСТ», 2019 — (История и
наука Рунета)

ISBN 978-5-17-113240-8

В этой книге историк и культуролог Лев Бердников рассказывает о феномене русского шутовства. Галерею персонажей открывает «Кровавый Скоморох» Иван Грозный, первым догадавшийся использовать смех как орудие для борьбы с неугодными и инакомыслящими. Особое внимание уделяется XVIII веку – автор знакомит читателя с историей создания Петром I легендарного Всешутейшего Собора и целой плеядой венценосных паяцев от шута Балакирева и Квасника-дурака до Яна Лакосты и корыстолюбивого Педрилло, любимца императрицы Анны Иоанновны. В книге также представлены образы русских острословов XVII–XIX веков, причем в этом неожиданном ракурсе выступают и харизматические исторические деятели (Григорий Потемкин, Алексей Ермолов), а также наши отечественные Мюнхгаузены, мастера рассказывать удивительные истории. Отдельные главы посвящены «шутам от литературы» – тщеславным и бездарным писателям, ставшим пародийными личностями в русской культуре и объектами насмешек у собратьев по перу. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 930.85(47)

ББК 63.3(2)-7

ISBN 978-5-17-113240-8

© Бердников Л. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Шуты	7
Кровавый скоморох	7
Всешутейший патриарх	15
Лютый и преданный	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лев Бердников

Всешутейший собор: смеховая культура царской России

В оформлении переплета использована картина В.И. Сурикова «Большой маскарад в 1772 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И.Ф. Ромодановского» из собраний Русского музея

© Л.И. Бердников, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Шуты

Кровавый скоморох Иван Грозный

«Он мучитель в жизни и в своих писаниях, действующий в них так же, как актер с элементами скоморошества», – так характеризовал академик Д.С. Лихачев царя Московского Ивана Васильевича (1530–1584), прозванного за свирепый нрав Грозным. Однако шутство никоим образом не ассоциируется с жестокостями. Зародившееся в языческие времена и восходившее к грубо-развлекательной культуре трикстеров, оно возникает еще в искусстве синкретизма, где скоморох соединял в себе певца, музыканта, мима, танцора, клоуна, импровизатора. В русской народной культуре оно, по-видимому, укореняется еще в дописьменный период и уже в XI веке фиксируется в летописях. Неразрывно связанные с фольклором, скоморохи, объединившись в ватаги, странствовали по всей Древней Руси, потешая народ своим метким острым словом, разудалыми песнями и зажигательными плясками. А потому Грозного если и можно назвать шутом и скоморохом, как его иногда аттестовали, то скоморохом особым, кровавым, ибо царь этот отличался остроумием изувера, черным юмором и адской насмешливостью, которые приносил в свои многочисленные казни, до которых был столь охоч. Где же берет свое начало его воистину инквизиторское шутство?

Обратимся же ко времени, когда Иван был малолетним и прозвание «Грозный» еще не пристало к нему. В четыре года он лишился отца, великого князя Василия III Ивановича, в восемь потерял мать, Елену Глинскую. Соперничавшие за власть бояре не слишком церемонились с юным великим князем. «Люди из враждующих группировок, – отмечает историк В.Б. Кобрин, – врываются во дворец, избивали, арестовывали, убивали, не обращая внимания на просьбы малолетнего государя пощадить того или иного боярина». Иван жаловался впоследствии, что в малолетстве с ним обращались, как с убогим, ни в чем воли не давали, издевались, заставляли делать тяжелую работу, а подчас даже забывали накормить. Особенно врезалось в память Ивану, как однажды боярин Шуйский вальяжно развалился в государственной спальне, положив ноги на постель покойного отца.

Об Иване вспоминали только тогда, когда на Русь прибывали иностранные послы. Его облачали тогда в роскошные одежды, окружали пышностью, притворно выказывая смирение и раболепство. А по окончании церемонии поведение придворных разительно менялось. Небрежение бояр было для Ивана тем обиднее, что с молодых ногтей он с помощью благоволившего к нему митрополита Макария постиг Божественную природу царской власти, ибо сказано в Писании: «...нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены».

Со временем бояре стали втягивать Ивана в свои далеко не шуточные распри, заставляя принять ту или иную сторону. «В обстановке подслушивания и подглядывания, частых отравлений, – говорит французский писатель и историк А. Труайя, – Иван начинает воспринимать жизнь, как хищный зверек, который учится преследовать свою жертву и наслаждается ее страданиями».

Освободившись от опеки бояр, великий князь сразу предался диким потехам и играм, которых его лишали в детстве. Он отчаянно безобразничал – тешился жестокими забавами. Сохранились свидетельства о том, что двенадцатилетний Иван забирался на островерхие терема и сталкивал со «стремнин высоких» кошек и собак, с наслаждением наблюдая за их конвульсиями. Он выдергивал перья птицам, ножом вспарывал им брюшко, услаждая себя каждой новой стадией агонии. По словам В.О. Ключевского, «жалобный визг удовлетворяет живущую

в нем темную жажду мщения, как если бы он предавал смерти ненавистных бояр». Подобное «озорство» державного отрока надлежит рассматривать как ученичество, как первую репетицию будущего тотального террора.

Летописец сказал об Иване: «Он находился более чем часто в гневе и чрезмерной ярости... был удобоподвижен к злобе, как по природе, так вместе и из-за гнева». Вместе со сверстниками, в будущем печально известными опричниками, грядущий царь разъезжал по московским улицам, «скачуще и бегающе неблагочинно», топтал конями людей, насильничал. Пристрастились они и к охоте: много времени проводили в лесах, где с наслаждением травили зверей, с кречетами в руках преследовали диких лебедей. Но охотой не ограничились – напали на деревни, избивали крестьян, забавлялись с девицами, пили без меры. Бояре при этом не только не порицали поведение распоясавшегося юнца, а наоборот, восхваляли Ивана: «О, храбр будет сей царь и мужествен!»

Иван ерничал; облачался в саван, как ряженный и скоморох; ходил на ходулях – словом, откровенно валял дурака. Он рано научился обращать в шутку, игру жизнь и смерть окружающих, рано осознал, что ему, земному богу, дозволено все – и казнить, и миловать.

Первые казни начинаются с 1545 года, то есть как раз с того времени, когда Иван осознал себя самодержавным государем: «егда ж достигохом лето пятнадцатого возраста нашего, тогда Богом наставляемы, сами яхомся царство свое строить». По его приказу был схвачен и умерщвлен псарями боярин Андрей Шуйский – убитый пролежал на морозе нагим несколько часов.

Известно, что до своего венчания на царство в 1547 году Иван казнил восемь человек. Историки утверждают, что это больше, чем было умерщвлено за все долгие годы правления его деда и отца.

Однако в это же время с великим князем происходит благотворная метаморфоза. Современники связывали ее не столько с венчанием на царство, сколько с ужасающим московским пожаром и бунтом, когда мятежная чернь растерзала родного дядю Ивана. И он воспринял сие как кару за тяжкие грехи и, по словам летописца, «от того царь великий и великий князь прииде в умиление и нача многие благие дела строити».

А всё потому, что при дворе явился новгородский священник Сильвестр, который внушил Ивану страх за содеянное. Он пугал царя рассказами о видениях, атаковал «кусательными словесами», предсказывал гибель Ивану и всему его дому, если тот не проявит послушание. Сильвестр был высоко чтим всеми и надо всем властвовал вместе со своими сподвижниками. Одним из них был окольный Алексей Адашев, дипломат, человек яркого государственного ума, инициатор реформ середины XVI века, в ведении которого находились разрядные книги и летописи. Вместе же новые советники царя образовали так называемую Избранную Раду, с именем которой связано покорение Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, реформы управления и суда и составление знаменитого «Судебника» (1550), установление дипломатических связей с Англией, Бельгией, Голландией и многие другие славные деяния. Только благодаря благому влиянию Избранной Рады Иван стал, по словам Н.М. Карамзина, своего рода «героем добродетели в юности».

На том этапе царь чуждался грубых потех, зато находил удовольствие в богослужениях. Историк поясняет: «Тунеядцев, то есть блюдолизов, товарищей трапез, которые живут шутовством, тогда не только не награждали, но и прогоняли вместе со скоморохами и другими».

Такое отношение к скоморохам и шутам тем понятнее, что его разделяли советники из Избранной Рады, и прежде всего всемогущий тогда Сильвестр. Последний был в этом отношении учеником византийских церковных аскетов, традиционно воспринимавшим скоморошество и лицедейство как «бесовские игрища».

В известном «Домострое», составленном при участии Сильвестра, поражает резкость оценок шутовства. Проповеди, грамоты, поучения этой книги закрепляют за скоморошеством репутацию чего-то «дьявольского», «сатанинского», грозят ему адом и проклятием. Говорится,

в частности, что скоморохи «всякое скаредие творят и всякие бесовские дела: блуд, нечистоту, сквернословие, срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, трубы, бубны, сопели». Порицается любая трапеза, сопровождаемая музыкой и пляской: «И аще начнут... смехотворение и всякое глумление или гусли, и всякое гудение... и всякие игры бесовския, тогдаж, яко дым отгонит пчелы, тогдаж отыдут ангели Божия от тоя трапезы и смрадные бесы предстанут».

В этом же ключе выдержаны решения Стоглавого Собора 1551 года, на открытии которого перед его участниками выступал сам царь. В них представлен целый ряд запретительных мер против скоморохов. Так, им возбраняется «ходить перед свадьбой», собираться в большие ватаги, участвовать в вечерних и ночных игрищах. Излюбленные шутами маски названы «скаредными образованиями». Показательно и письмо патриарха Константинопольского Иоасафа Ивану (оно также приводится в материалах Собора), где тот настоятельно просит царя»: «Бога ради, Государь, вели их [скоморохов. – Л.Б.] извести, кое бы не было в твоём царстве». О своем неприятии «скверного» скоморошества говорил царю и приверженец строгих аскетических правил старец Максим Грек.

Есть все основания полагать, что и сам государь Иван Васильевич в этот период относился к скоморохам и скоморошеству весьма отрицательно. Хотя каких-либо государственных распоряжений на этот счет нет, но поражает обилие постановлений местных и церковных. Вот лишь некоторые из них. В 1547 году двоюродный брат царя, старицкий князь Владимир Андреевич, запрещает скоморохам появляться в своих землях. В 1554 году было повелено не допускать их и в великокняжеские села – Афанасьевское и Васильевское. В 1555 году «Приговорная грамота» Троице-Сергиева монастыря объявляет: «А прохожих скоморохов в волость не пущать». Запрещение скоморохам играть и разрешение жителям высылать их насильно вон содержатся в грамотах 1548, 1554 и 1555 годов.

Положение дел разительно изменилось к концу 1550-х годов, что связывали с возвращением царя из неудачного литовского похода в январе 1558 года. Речь идет о его встрече при поездке на богомолье со старцем Вассианом Топорковым. А тот внушал царю: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож». «О, дьяволов сын! – костерил Топоркова князь А.М. Курбский. – Зачем ты в человеческом естестве жилы пресек и всю крепость разрушил и в сердце царя христианского посеял безбожную искру, от которой во всей Святорусской земле лютый пожар разгорелся?!»

Перемена в царе была столь резкой и стремительной, что некоторые говорят даже о существовании по крайней мере двух разных Иванов IV-х. Так или иначе, царь освободился от влияния Сильвестра и Адашева и окружил себя новыми советниками, точнее, товарищами ранней юности, участниками его прежних жестоких забав. «Теперь вместо прежних любимцев, мыслителей из Избранной Рады, – поясняет писатель Э.С. Радзинский, – иные люди. Беспорочно пьют, веселятся... непрерывный пир, точнее – оргия. На многочасовое царское застолье приглашаются скоморохи, шуты и колдуны, которые нынче в царской свите». Примечателен эпизод из знакового фильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», где царь и его присные дико пляшут в скоморошьих масках; это вполне соответствует реалиям того времени.

Как видно, прежние карательные меры против скоморохов были оставлены, и уже в конце 1550-х годов Москва стала для них притягательным центром. По некоторым данным, в столице их подвизалось тогда не менее 16-ти.

О феномене русского шутовства в ту эпоху говорит историк И.Е. Забелин: «Циническое и скандальное нравилось, и очень нравилось, потому что духовное чувство совсем не было воспитано, а было только связано, как ребенок пеленками, разными, чисто внешними, механическими правилами и запрещениями, которые скорее всего служили лишь прямыми указаниями на сладость греха».

Буйный нрав царя и его склонность к скоморошеству, искусственно сдерживаемые Сильвестром и Адашевым, выплеснулись наружу. Иван стал жестоким тираном, от рук которого пали десятки тысяч ни в чем не повинных россиян. Историки объясняют эту патологическую кровожадность Грозного свойственной ему прогрессирующей манией преследования. Утверждают, что он параноик особого типа, находивший особое удовольствие в страданиях своих (по большей части выдуманных) врагов. При этом он часто прибегал к шутовству, которое было чисто внешним, скрывающим зловещее, садистское начало.

В этой связи замечателен ставший хрестоматийным эпизод из известной баллады А.К. Толстого «Князь Михайло Репнин». Как человек Средневековья Грозный был склонен к театральным эффектам, и гибель не угодившего ему князя Репнина поставил театрально. Во время пира, когда перед царем плясали милые его сердцу скоморохи, Иван и этому воеводе повелел надеть потешную «машкару». Тот, однако, отказался присоединиться к проклятым церковью «кощунникам» и, с достоинством отшвырнув прочь маску, протянутую царем, изрек:

Да здравствует вовеки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час.

На следующий же день, во время всеобщей, когда Репнин, стоя на коленях, молился в храме, его зарезали прямо у алтаря.

Заподозрив в измене старика-конюшего И.П. Челяднина-Федорова, будто бы желавшего свегнуть его с престола, Грозный разыграл целое театральное действо. В присутствии всего двора он надел на него царскую одежду, посадил на трон, дал в руки порфиру, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: «Здрав буди, великий князь земли Русския! Се приял ты от меня честь, тобою желаемую!» Сходные шутовские церемонии были распространены не только на народных карнавалах, но и на бытовых пирушках, где по жребию избирали королей пира. «Игра в царя» была популярна и на Руси во время святочных и масленичных потех. В шутовских коронах с подвесками и павлиньими перьями паясничали скоморохи. Иван Васильевич дополнил традиционный карнавальный обряд новым дьявольским содержанием. «Имея власть сделать тебя царем, могу и свергнуть тебя с престола!» – воскликнул он и умертвил ряженого конюшего. А.К. Толстой запечатлел сам момент казни:

И, вспрынув в тот же час от злобы беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной.
И лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и с дрожью зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой.

Очевидец сообщает, что после расправы над Челяднинным-Федоровым Грозный сжег все принадлежавшие тому вотчины: «Иван сильно возбуждался, когда видел, как, метаясь за встревоженными курами, женщины падали в пыль, шевеля грудями и подрагивая чреслами».

К шутовским переодеваниям царь прибегал и во время дипломатических приемов. Однажды, возжелав поиздеваться над литовскими послами, Иван заставил своего шута надеть литовскую шапку и велел по-литовски преклонить колено. Мало того, он преклонил колено сам и воскликнул: «Гойда, гойда!» В другой раз перед гонцами крымского хана он обрядился в грубую сермягу, бусырь и баранью шубу навыворот. Обращаясь к крымцам, он заговорил самым уничижительным тоном. Выворачивание наизнанку одежды, а также сермяга, береста и

солома – это, по словам Д.С. Лихачева, «антиматериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами. Все это знаменовало собой изнаночный мир, в котором жил древнерусский смех». Любопытно, что впоследствии, после поражения под Нарвой в 1702 году, в подобную бутафорскую одежду облачится Петр Великий. Вот такая культурная преемственность!

Затаянная Грозным опричнина имела ярко выраженный игровой, скомороший характер. Ее введение происходило через карнавализацию, высмеивание существующего порядка. Царь, желая укрепить свою самодержавную власть, разделил единый народ на две половины, отделив опричников от ненавидимых им земских, сделав как бы двоеверным, – одних приближая, а других отстраняя... Как волков от овец, отделил он любезных ему [опричников. – Л.Б.] от ненавидимых им [земских. – Л.Б.]. Иван заявил о своем решении оставить трон, демонстративно покинул Кремль и обосновался в подмосковной Александровской слободе. Когда же духовенство и знать стали молить царя о возвращении в Москву, на престол, он истребовал право по собственному разумению нещадно казнить непокорных бояр. Тогда-то и был образован специальный опричный корпус. Это было замкнутое общество с полицейско-охранительными функциями. Вот как описывает слободу историк: «В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял звание игумена, а князя Афанасия Вяземского обрек в сан келаря; покрыл этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, сочинил для них общежительный устав, сам с царевичами по утрам лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. После обедни за трапезой, когда вся веселая братия объедалась и опивалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте воздержания, потом одиноко обедал сам, после обеда велел говорить о законе, дремал или шел в застенок присутствовать при пытке заподозренных».

Опричнина, как это видно даже из самого названия («опричный» – особый, отдельный, сторонний), – это изнаночное, перевертышное царство с монашескими одеждами опричников как антиодеждами, с пьянством как антипостом, со смеховым богослужением, со смеховыми разглагольствованиями о посте во время трапез-оргий, со смеховыми разговорами о законе и законности во время пыток. К тому же всю эту шатию-братию развлекали скоморохи – они смешили царя до и после убийств.

Опричники одевались в грубые нищенские тулупы из овечьей шерсти, но нижнюю одежду надлежало иметь из золотого сукна на собольем или куньем меху. Они опирались на черные монашеские посохи с острыми наконечниками, носили за поясом длинные, в локоть, ножи. Приторочив к седлу собачью голову и метлу, опричники, гарцуя, выезжали на вороных конях. Собачья голова означала, что опричники грызут царских врагов, метла же – что они выметают измену из государства.

Пытки и казни особенно воодушевляли Грозного. «Редко пропускает он день, – рассказывал очевидец, – чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость». Даже когда кровь жертвы брызжет в лицо, царь радуется и кричит: «Гойда, гойда!» Ему громко вторят угодливые опричники. Но если тиран замечал, что кто-нибудь молчит, то, считая его соучастником, он прежде спрашивал, почему тот печален, а затем велел разрубить его на куски.

После каждой экзекуции Иван бежит исповедоваться, иногда кается публично, называя себя «смердящим псом», «убийцею», «проклятым». Но такие слова раскаяния были страшнее любой угрозы. Чем сильнее уничижал себя тиран, тем сильнее предавался потом насилию и разгулу.

Шутов царь жаловал. Один итальянец, бывший в Москве в 1570 году, рассказывал, как Иван Васильевич въезжал в город: «Впереди ехали 300 стрельцов, за стрельцами шут его на быке, а другой в золотой одежде, затем сам государь». А в Новгородской летописи под 1571

годом упоминается, что «по всем городам и по волостем на государя брали веселых людей», и «поехал из города на подводах, к Москве [дьяк] Суббота и с скоморохами». Именно тогда при дворе был учрежден Потешный чулан, состоявший преимущественно из скоморохов. Характерно, что на свадьбе своей племянницы, княжны Марии Владимировны и Магнуса Голштинского (1573) царь устроил их срамные пляски.

Известно имя лишь одного шута Ивана Васильевича – Осипа Гвоздева. Он происходил из родовитой семьи и имел даже титул князя. Княжеское достоинство этого шута позволяло Грозному унижить весь его род, а вместе с ним всю родовую знать «предателей-бояр». Это было своеобразное напоминание, что ни происхождение, ни состояние, ни чины не ограждали от самодурства государя.

Рассказывали, что однажды царь взъярился на него за какую-то неудачную шутку и вылил ему на голову плоску горячих щей. Забавник взвыл от боли и пустился было наутек, но тиран настиг его и ударил ножом в грудь. Грозный послал за доктором. «Исцели слугу моего. Я *пошутил* с ним неосторожно», – обратился он к эскулапу. «Так неосторожно, что разве только Бог и твое царское величество можете воскресить умершего. В нем нет уже дыхания», – последовал ответ. Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться.

Хотя при дворе скоморохов было в избытке, царь потехи ради все умножал их число. Так, по его велению проштрафившегося новгородского архиепископа Пимена одели в отрепье, посадили на белую кобылу, дали в руки вольнку и на глазах у честного народа возили по улицам. Государь сказал, что определит его в разряд вольнщиков, чтобы играл и скоморошествовал под пляску медведя.

Его излюбленной забавой была так называемая медвежья комедия, в которой ученые звери плясали и фиглярничали под водительством скоморохов. Царь, однако, не довольствовался ролью пассивного зрителя – он устраивал собственную комедию: самолично травил своих холопов медведями и в гнев, и в радость. Сохранились свидетельства, что Иван Васильевич, завидев толпу народа, приказывал выпускать двух-трех медведей и громко смеялся, когда все в ужасе разбегались. Монарх после этого приходил в такое благодушное настроение, что даже жаловал изувеченным по целой золотой деньге! Или велел зашивать провинившегося в медвежью шкуру (это называлось «обшить медведно»), а затем спускал на него свору собак. Так погиб новгородский архиепископ Леонид. А одного младенца из опального семейства он ничтоже сумняшеся отдал медведям на съедение.

В это трудно поверить, но рассказывают, что однажды царь наложил свою опалу на... слона, подарок персидского шаха. Животное посмело не встать по приказу тирана на колени, за что было тут же изрублено на куски.

А разве не уморительно повесить дворянина по фамилии Овцын рядом с натуральной овцой?! И царь смеялся, глядя на двух повешенных «однофамильцев».

Некий воевода Голохвостов, под видом монаха скрывавшийся от монаршего гнева в монастыре на Оке, пойман опричниками. «Монахи – ангелы и должны лететь на небо!» – воскликнул царь и повелел взорвать несчастного на бочке с порохом.

Другой пример изуверского «остроумия» Ивана – расправа с героем войн, одним из ростовских князей, схваченным по его приказу. Его раздели и повезли обнаженного на берег Волги, где остановились. «Зачем?» – спросил князь. «Поить коней», – отвечали опричники. «Не коням, – сказал несчастный, – а мне сию воду пить и не выпить». Ему в ту же минуту отсекли голову; тело кинули в реку, а голову положили к ногам Ивана, который, оттолкнув ее, обронил: «Сей князь, любив обагряться кровью неприятелей в битвах, наконец обагрился и собственной».

Как-то раз одному дьяку принесли в гостинец щуку. Это увидел один злейший враг дьяка и донес государю: «Этот человек, воздерживаясь от малых рыб, пожирает большие, которые ловит из твоих садков». Тиран вызвал дьяка к себе и осыпал бранью: «Ты, злодей, ешь больших

рыб из моих садков, хотя там могут оказаться и малые. Так ступай же ешь и тех и других, больших и малых». Царь велел утопить его в пруду.

С другим дьяком, любителем жареного гуся, Грозный расправился самым варварским способом. Он, по словам англичанина Дж. Флетчера, «спросил у палачей своих, кто из них умеет разрезать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги по половине икр, потом руки выше локтя (все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо) и наконец отсечь голову, дабы он совершенно походил на жареного гуся».

Одного боярина, пытавшегося бежать в Речь Посполитую, тиран призвал к себе и приказал пытаться. Он был привязан к телеге, управляемой лошадей, у которой предварительно выкололи глаза. Опричники Грозного с гиканьем и улюлюканьем погнали слепую лошадь в пруд. Видя, что боярин тонет, самодержец театрально воскликнул: «Отправляйся к польскому королю, к которому ты собирался в дорогу, вот у тебя есть лошадь и телега!»

Опричина стала жупелом не только для России, но и для всей Европы. «Если бы сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее», – говорили иноземцы. Исполнив свою главную роль – укрепление безграничной деспотической власти, опричина постепенно сошла на нет. Свою роль сыграло здесь и опустошительное нашествие на Москву в 1571 году крымского хана Дивлет-Гирея, которому опричное войско не смогло противостоять. К концу 1572 года царь решил избавиться от бывших сподвижников и казнил почти всех.

Показательна в этом отношении участь ближайшего фаворита царя Федора Басманова. Этот опричник не только потешал монарха на пирах, но и умел придать убийствам характер шутовства. Федор пытался купить себе жизнь тем, что вызвался собственноручно отрубить голову своему отцу, тоже теперь уже опальному опричнику, однако это не спасло его от неминуемой смерти. А расправу с князем Афанасием Вяземским, в прошлом ближайшим советником и доверенным лицом, Грозный обставил театрально. Однажды, возвратясь от царя, Вяземский увидел, что дом его разграблен, а вся челядь перебита. Охваченный ужасом, он, однако, сдержался и затаился, боясь обнаружить сочувствие к убитым. Но когда тиран казнил его брата, князь в страхе бежал, но был пойман и нещадно избит палками. В итоге его отправили в ссылку, где тот и умер.

Современник отмечал: «У многих приказал он вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу и каждому своему придворному определил он, когда он должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних приказывал он отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги и голову; в общем, все это делалось различными неслыханными способами». Грозный при этом запрещал даже произносить слово «опричина» под страхом сурового наказания.

Чувство одиночества и мания преследования не давали покоя тирану в последующие годы. Он то говорил о желании облачиться в черную ризу монаха, то не в шутку вел переговоры с английской королевой о предоставлении ему убежища в Британии. Как бы готовясь к своему уходу, он в 1574 году объявил, что отказывается от своих обязанностей в пользу одного из татарских князей, крещенного под именем Симеона Бекбулатовича. Грозный посадил Симеона в Москве, венчал его на царство, а сам назвал себя Иваном Московским, вышел из Кремля и жил на Петровке; «ездил просто», как боярин, и демонстрировал подобострастие к шутовскому царю. 30 октября 1575 года он пишет униженную челобитную с уничижительными самоназваниями и уменьшительными словами. В заключение он обращается к Симеону с низжайшей просьбой – разрешить ему «перебраться людешек». Этот шуточный эвфемизм означает не что иное, как вновь совершить массовые казни.

Через год Симеон исчез, и, довольный разыгранным фарсом, Грозный вновь появляется на престоле и до 1578 года продолжает свои расправы. Одновременно он кается, думая, что, составив синодики (поминальные списки) казненных и разослав по монастырям вклады на

поминовение их душ, он вымолит прощение у Бога. Перед смертью Иван Васильевич принял монашеский постриг. Но и в ризе он требует, чтобы его потешали и развлекали все новые шуты-скоморохи. В день кончины царя они залихватски плясали у его одра.

Всешутейший патриарх Никита Зотов

Дьяк Челобитного приказа Никита Моисеевич Зотов (ок. 1644–1718) был с молодых ног беззаветно предан дому Романовых. Ему доверяли ответственные задания самого деликатного свойства. «Тишайший» царь Алексей Михайлович поручил ему расследование злоупотреблений и казнокрадства боярина И.С. Хитрово, служившего на Дону. При царе Федоре Алексеевиче Зотов был отправлен в Крым для переговоров о мире со спесивым крымским ханом Мурад-Гиреем, что потребовало от москвитянина немалого самообладания и изворотливости. А сколько немислимых унижений пришлось пережить Зотову (вкуне с другими эмиссарами царя) за долгие десять месяцев крымского плена! Басурмане не думали церемониться с русскими и отвели им весьма убогое помещение, скорее напоминавшее загон для скота. «Воистину объявляем, – писали заложники в Белокаменную, – что псам и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам, посланникам царского величества, а лошадям не только никаких конюшен нет, и привязать не за что; кормов нам и лошадям ничего не давали, а купить с великою нуждою хлеба, и ячменя, и соломы добывали, и то самую высокую ценою». Истый государственный патриот, Зотов, несмотря на все угрозы крымцев (а ему угрожали смертью), отчаянно отстаивал интересы России. Бахчисарайский договор с Мурад-Гиреем был в конце концов заключен, но на невыгодных для России условиях. В этом-то «оскорбительном» для русских договоре обвинили как раз Зотова, забыв о том, что если бы не он, перемирия вообще бы не было.

Прибыв из крымского плена в Москву, Никита Моисеевич попал, что называется, из огня да в полымя. Он подвергся жестокой опале и был посажен под домашний арест. От Зотова в буквальном смысле шарахались, как от чумы, – запрещали видиться с друзьями и передавать другим личные вещи, опасаясь, что тот привез из Крыма моровое поветрие. Однажды его посетил пристав и приказал немедленно покинуть столицу и отбыть в свою деревню. Но Никита не сразу покорился: интуиция подсказывала ему, что именно здесь, в Москве, он вскоре будет востребован и оценен. Он тянул время, обставляя свой предполагаемый отъезд все новыми и новыми препятствиями; говорил, к примеру, что без письменного царского указа боится трогаться с места, «чтоб ему того в побег не поставили». Отправиться в свое захудалое имение Донашево, что под Коломной, ему все-таки пришлось, но жить там довелось недолго: очень скоро туда прибыл специально отряженный вестовой с приказанием мчать Зотову в Москву и предстать пред царские очи.

Прибыв во дворец, Никита и ведать не ведал, отчего удостоился монаршего внимания. Не знал, что много лестных слов насказал о нем царю Федору Алексеевичу боярин Ф.П. Соковнин – он-де, Зотов, муж и трезвый, и кроткий, и смиренный, и всяких добродетелей исполнен, и в грамоте и писании искусен. Все это было сказано боярином в нужном месте и в нужное время, ибо царь озаботился тогда образованием своего малолетнего брата и крестника, царевича Петра (будущего императора Петра Великого), и как раз искал для него подходящего учителя и наставника. Все сошлось на Зотове: «Его кандидатура удовлетворяла всех, – отмечает исследователь И. Грачева, – и окружение царевны Софьи, озабоченно следившее за подрастающим Петром, и царя Федора Алексеевича, проявлявшего заботу о своем крестнике, и мать Петра, не доверявшую Милославским».

Когда придворный спальник объявил Никите, что государь требует его к себе, тот, как отмечает историк, «пришел в страх и беспмятство, так что не мог сдвинуться с места... Постояв немного и отдышавшись, сотворил он крестное знамение и истово, тихими стопами пошел со спальником во внутренние покои к царскому величеству». Федор Алексеевич принял его ласково, пожаловал к руке и подверг испытанию, на котором известный ученый-архи-

ерей и стихотворец Симеон Полоцкий проверял знания Никиты и в чтении, и в письме, и в Священном Писании. Полоцкий остался доволен экзаменуемым и доложил царю: «Яко право то писание и глагол чтения». Мать Петра, Наталья Кирилловна, стала напутствовать оробевшего Зотова: «Вручаю тебе едиnorodного сына моего, – объяснила она наконец причину его вызова в царевы палаты. – Прими его и прилежи к научению Божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию». Тут только Зотов понял, в чем дело, и, «весь обливаясь слезами», упал к ногам царицы со словами «несмы достоин прияти в хранилище мое толикое сокровище», то есть Петра. Та, однако, ободрила дьяка и повелела завтра же приступить к занятиям с царевичем.

На другой день Никита Моисеевич явился во дворец уже в качестве учителя. Патриарх отслужил по сему случаю молебен, окропил Петра освященною водою, благословил его и вручил Зотову. Новоиспеченный ментор был сразу же осыпан щедрыми дарами: патриарх пожаловал его ста рублями, Федор Алексеевич – двором в Москве, Наталья Кирилловна – двумя парами богатого одеяния.

Чему же обучал Зотов венценосного отрока? Прежде всего – старинному русскому школьному знанию XVII века, включавшему в себя традиционные букварь, часослов, Евангелие, Псалтирь и Деяния апостольские. Никита Моисеевич дополнил, однако, эти премудрости сведениями из истории, рассказывая юному Петру о прославленных российских и иноземных государях и героях прошлого. Педагогом Зотов оказался замечательным, ибо блестяще использовал в своем преподавании способ наглядного обучения. Воспользовавшись свойственным всем детям жадным вниманием к книжкам с картинками, он, по словам биографа Петра I И.И. Голикова, «велел изобразить красками и расписать всю российскую историю в лицах... а при том и знатные европейские города, великолепные здания, корабли и прочее; и сии рисунки расположил по разным покоям, в которые, приводя его [Петра. – Л.Б.], изъяснял ему оные и нечувствительно давал ему разуметь, что без знания истории невозможно государю достойно царствовать». К тому же наш ментор привлекал весьма распространенные с конца XVII века так называемые русские лубочные листы с картинками светского содержания (их специально покупали для царевича в Овощном ряду в Москве). На гравюре того времени (она прилагается) изображен бородатый Зотов, показывающий своему царственному ученику «потешные и учительные» картинки. Любопытно, что, став императором, Петр будет всячески поощрять лубочное производство, полагая, что такие картинки станут наглядной энциклопедией различных знаний и сведений.

Зотовскую науку Петр постиг довольно быстро: читал наизусть Евангелие и Апостол, сносно писал, знал обряды церковной службы и даже пел на клиросе по крюковому нотному письму. И хотя потом Петр, с высоты своего универсального самообразования, отзывался о своем начальном обучении не вполне лестно («Вы счастливы, дети, – будет говорить он своим дочерям, – вас в молодых летах приучат к чтению полезных книг, а я в своей молодости лишен был и книг, и наставников»), следует признать: уроки Никиты Моисеевича пробудили в нем удивительную любознательность и жажду нового, что впоследствии столь резко выделяло этого преобразователя России из общего ряда правителей.

В русской исторической романистике Зотов, особенно на раннем этапе, предстает истым христианином, благочестивым и скромным, строго соблюдавшим все православные обряды. В знаменитом романе А.Н. Толстого «Петр Первый» читаем: «Зотов, сотворив крестное знамение, вынул из кармана гусиное перо и ножичек и со тщанием перо очинил, попробовал на ноготь. Еще раз перекрестясь, с молитвой, отогнул рукав и сел писать полууставом». Богомольный инок, Никита Моисеевич был не просто русским – он, пользуясь выражением А.С. Пушкина, был «из перерусских русским».

Он рьяно служил делу Петра I, с которым уже не расставался до конца своих дней. Рабскую покорность своему бывшему ученику Никита Моисеевич проявлял, еще будучи думным

дьяком, то есть с 1683 года. Есть свидетельства, что юный царь даровал ему за службу то денежные суммы, то лисий и песцовый мех на кафтан, то сукно кармазин, то китайскую камку, то плетеную золотую нашивку и галун. Зотов неизменно сопровождал Петра в загородных и богомольных походах. И в знаменитой «потешной» Кожуховской баталии 1694 года он тоже был рядом со своим воспитанником.

Историк С.М. Соловьев назвал Зотова «старым, опытным излагателем царской воли в указах», а потому Никита получил титул «ближнего советника». Особенно он отличился в Азовском походе 1695–1696 годов, где заведовал походной канцелярией государя. Монаршие приказы ему надлежало записывать как на военных бивуаках, так и на поле брани. «Бдел в непрестанных же трудах письменных, расспрашиванием многих языков и иными делами», – удовлетворенно говорил о нем Петр. И не случайно на триумфальном шествии по случаю Азовской победы Зотов, со щитом и саблей в руках, горделиво восседал в парадной царской карете во главе церемониала. За Азов Никита Моисеевич получил от Петра «кубок с кровлею, кафтан золотный на соболях, ценою 200 рублей, да в вотчину 40 дворов».

И в противостоянии царя и его амбициозной сестры, цесаревны Софьи Алексеевны, Никита сразу занял сторону Петра и был первым из думных дьяков, прибывших ему на помощь в Троице-Сергиев монастырь. Тогда же, в 1689 году, Никита принял деятельное участие в расправе над мятежными стрельцами, предводительствуемыми Федором Шакловитым, покушавшимися на жизнь царя и его матери Натальи Кирилловны Нарышкиной. Подпись Зотова мы находим под документами, в которых бунтовщики приговаривались к жестоким казням: в «Статейном списке по изветом и по розыскному делу» и в «Приговоре по статейному списку».

Петр безгранично доверял своему «дядьке» и, сделав его одним из следователей, принудил вести жестокий розыск по стрелецкому бунту 1698 года. В угоду царю в прошлом тихий и робкий Никита, пытая и допрашивая с пристрастием врагов трона, рьяно «кнутобойничал» в Преображенском застенке. Выполнял он и отдельные дипломатические поручения: в 1699 году, к примеру, вел переговоры с посланниками австрийского императора.

Карьера его вполне задалась. С 1699 года он – думный дворянин и печатник, с 1701-го – генерал-президент Ближней канцелярии. В 1702–1703 годах при закладке Северной Пальмиры наблюдал за укреплением Шлиссельбурга и возведением одного из бастионов (получившего название «бастион Зотова»). К послужному списку Никиты надо прибавить, что он входил в состав «кумпанств», совместными усилиями строивших военные и торговые корабли для России. Постепенно он становится состоятельным человеком: по реестрам Генерального двора, он имел 446 крестьянских дворов в Вяземском, Коломенском и Ружском уездах. Ему принадлежало и богатое подворье у Боровицких ворот Кремля, а также другие дорогие усадьбы в Москве.

Казалось, исполнительный Зотов потрафлял царю во всем, даже в мелочах. Тем большего внимания заслуживает сцена, в которой наш герой, зная импульсивность и крутой нрав Петра, не убоился венценосца. Однажды, за обедом, царь весьма осердился на воеводу А.С. Шеина за то, что тот производил офицеров в полковники не по заслугам, а за деньги. «В справедливом негодовании, – рассказывает очевидец, – царь подошел... к князю Ромодановскому и думному дьяку Никите Моисеевичу; заметив, однако, что они оправдывают воеводу, до того разгорячился, что, махая обнаженным мечом во все стороны, привел тут всех пирующих в ужас... Никита Моисеевич, желая отвратить от себя удар царского меча, поранил себе руку». Впрочем, царь любил своего бывшего наставника, и подобные случаи были редки.

С начала 1690-х годов ведет свой отсчет организованный по воле Петра Всешутейший и Всепьянейший Собор, дикие оргии которого нужны были царю, чтобы преодолеть свою неуверенность и страх, снять стресс, выплеснуть необузданную разрушительную энергию. Историки рассматривают этот культурный, точнее антикультурный, феномен как способ порвать со ста-

риной, а также дискредитировать церковные традиции вообще и патриаршество в частности. Оказалось, что распрощаться с этим легче, хохоча и кривляясь.

В этой шутовской иерархии Зотов получил звание «шутейшего князя-папы» и титул «архиепископа Прешбургского, всея Яузы и всего Кокуя патриарха» (Прешбург – потешная крепость на Яузе, где проходили учения петровских полков; Кокуй – название Немецкой слободы в Москве). Произошло это на святочном празднестве в селе Преображенском, где этот разгульный потешный «священнослужитель» предстал во всей своей бесстыдной красе: митра его была украшена нагим Вакхом, посох – нагими же Венерой и Амуром, возбуждавшими страстные желания. За ним следовала толпа вакханок и селадонов с кружками и флягами, наполненными пивом и водкой. На мотивы церковных гимнов они пели ернические и похабные песни, а шутовской патриарх кадил в помещениях табачным дымом.

Согласно версии французского эmissара при русском дворе Ф. Вильбоа, «пьяница» Зотов, домогавшийся высокой должности, якобы сам напросился на эту шутовскую роль. «Ты будешь назначать кардиналов, которые будут князьями, – подбадривал царь честолюбивого Никиту, – обязанными восхищаться всем, что ты скажешь, и подчиняться этому... К этому я добавляю пансион в две тысячи рублей и за первые шесть месяцев заплачу тебе вперед, утверждая тебя в твоей новой должности».

На самом же деле Никита Моисеевич отнюдь не страдал приверженностью к зеленому змию, а, наоборот, слыл трезвенником и постником. И, как это ни парадоксально, именно это и определило его назначение в пьяные патриархи. Ведь Собор, как и другие петровские кошунства, был одушевлен законами мировой карнавальской культуры, согласно которым действительность воссоздавалась здесь в перевернутом, «опрокинутом» виде. Все выворачивалось наизнанку: и надетые тулупы вывертывались вверх мехом, и человек предстал здесь в совершенно не свойственном ему положении. Так, четверо заик выполняли на всешутейших сборищах обязанности церемониймейстеров; толстяки, задыхавшиеся от ходьбы, – роль скороходов.

Отлынивать от участия в Соборе было столь же опасно, как от государевой службы. Известен такой случай: отличавшийся беспримерным косноязычием недоросль Иван Карамышев был назначен «быть в чтецах». Измучившись непосильными обязанностями, тот сбежал домой, известив патрона, что занемог «животною и ножною болезнью». Петр, однако, вытребовал его назад, настаивая на продолжении шутовского служения. Недорослю пришлось подчиниться: ведь за неповиновение царю любой мог быть выслан в Сибирь или даже казнен!

О том, сколь разительна была перемена, произошедшая в поведении Никиты Моисеевича, свидетельствуют факты. В 1690 году, когда состоялось избрание нового патриарха Адриана, богомольный Зотов был в числе тех, кто после торжественной церемонии в Успенском соборе благоговейно сопровождал сего пастыря в патриаршие палаты. А всего лишь несколько лет спустя, на официальной церемонии во дворце Лефорта, он разыграл роль патриарха и по требованию царя начал «пить на поклонение». При этом соборяне вставали на колени, а Зотов благославлял их двумя чубуками, крестообразно сложенными. А потом Никита Моисеевич, пустившись в пляс, изволил открыть танцы.

Вступление во Всешутейший Собор было обрядом кошунственным, ибо сопровождалось отречением от традиционных духовных ценностей и принятием прямо противоположных им новых. Вот что сообщал очевидец: «Брали меня в Преображенское, и... Никита Зотов ставил меня в [потешные] митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а в отречении спрашивали вместо: веруешь ли? – пьешь ли? И тем своим отречением я себя пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше бы мне было мучения венец принять, нежели такое отречение чинить».

Подробно описывать церемонии, оргии, празднества и шутовские свадьбы мы не будем. Скажем лишь, что Зотов был не просто непременным участником, но и одним из главных действующих лиц. И все это Никита делал в угоду авторитарному царю. Он, в частности, ведал

кубком Большого Орла о двух литрах, который заставлял выпить разом проштрафившегося придворного, после чего тот без памяти валился с ног.

Соборяне испрашивали у Всешутейшего благословения и состояли с ним в переписке, исполненной цинизма и кощунства. Свои послания князь-папа обычно заканчивал словами: «При сем мир Божий да будет с вами, а с нашего смирения благословение с вами есть и будет. Smirennii Anikit властною рукою». Петр оказывал Никите Моисеевичу всевозможные почести и награждал своего «дядьку».

После победоносной Полтавской баталии Зотов был пожалован царской «персоной» (т. е. портретом в драгоценной оправе). Но этого «дядьке» царя показалось мало. И в день взятия города Риги, 8 июля 1710 года, он испросил у Петра награду более весомую, а именно: был возведен в графы Российской империи при таком рескрипте: «По прошению и за службу Миките Моисеевичу Зотову дается наддание “граф”, а также ближнего советника чин и ближней канцелярии генерал-президент». Внизу грамоты рукой Зотова приписано: «Благодарствен за Вашу Государскую премногую милость». В 1713 году царь утвердил графский герб рода Зотовых: «Сердце красное на поле синем округлом, пронзенное от земли на крест золотыми стрелами с короной, за тою и прочие гербовые знаки...»

Историк И. Грачева эффектно назвала свою статью о Зотове: «Из шутов – в графы!», подчеркнув тем самым, что этого титула он достиг своим скоморошеством. На самом же деле (и об этом свидетельствует начертанная рукой Петра I надпись на графском гербе Никиты: «Верность и терпение») он достиг успеха благодаря долголетней верной и беспорочной службе царю на всех занимаемых им должностях, где шутовство было лишь одной из граней его многотрудной деятельности. Не случайно он будет определен в Сенатскую канцелярию и назван одним из пяти верховных господ – «принципалов». В 1711 году Никита Моисеевич был назначен государственным фискалом, взяв на себя «сие дело, чтобы никто не ухоронился и прочего худа не чинил». Именно за служебное рвение Зотов получил тогда высокий чин тайного советника.

В 1714 году произошло нечто чрезвычайное: семидесятилетний всешутейший патриарх Зотов решает совершить поступок – уже не в шутку постричься в монахи и определиться в самый что ни на есть настоящий монастырь. Можно лишь догадываться, как обрыдли ему на склоне лет кощунства вкупе с беспрестанной пьяной вакханалией. Быть может, Никита вспоминал молодость, когда он, смиренный наставник царевича, тщился приобщить его к благочинному житию и страху Божьему. Вышло совсем наоборот – это Петр превратил его из трезвенника в бражника, приобщил к откровенным издевательствам над святостью и благочестием.

И вот впервые Никита решился послушаться: отпросился в Москву в надежде принять там постриг. Но царь, который рассматривал монастыри исключительно как прибежище для тунеядцев, остался непреклонен, посоветовав ему лучше приискать себе жену. (К слову, это была не единственная матримониальная инициатива царя: в том же 1714 году он отверг прошение о монашестве шестидесятидвухлетнего графа Б.П. Шереметева и самолично нашел ему суженую).

И в который уже раз Никита Моисеевич вновь покорился воле своего царственного патрона. «А в приезде, Государь, нашем [т. е. его и жены] в Петербург, – подбострастно писал он Петру, – какую изволишь для увеселения Вашего Государского публику учинить, то радостною охотою Вас, Государя, тешить готов!»

Узнав о приготовлениях к задуманной царем шутовской свадьбе, обеспокоились дети Зотова от первого брака, и прежде всего забил тревогу его сын, Конон Никитич. Тот сетовал, что его отец станет всеобщим посмешищем; кроме того, как и его братья, боялся лишиться наследства. Конон написал царю отчаянное письмо, в котором слезно просил Петра отменить позорище и приводил подлинные слова отца: «Я бы и рад отречься от моей женитьбы; но не смею царское величество прогневать, сколько-де стариков собрано для меня, и платья сделано». Письмо, однако, запоздало: он написал его 14 января 1715 года, а 16 января уже должна

была состояться свадьба Никиты Моисеевича и вдовы Анны Еремеевны Стремоуховой, урожденной Пашковой.

Гости явились на торжество в самых экзотических карнавальных костюмах. Тут были лютеранские пасторы и католические епископы, бернардинские монахи и рыцари, рыбаки и немецкие пастухи, матросы, крестьяне и т. д. Поражала и этнографическая пестрота гостей: в свадебном поезде шествовали рядом армяне, китайцы, американские эскимосы, японцы, самоеды, турки, лопари, поляки, итальянцы и т. д. А какой шум поднялся! Оглушительные звуки барабанов, дудок, медных тарелок, флейт, свирелей, трещоток, сковородок, рожков, собачьих свистков, волюнок, колокольчиков, пузырей с горохом сливались в невообразимую какофонию.

Обрученная чета шла пешком, поддерживаемая четырьмя старцами. Их венчал поп девяноста лет от роду, специально выписанный из Москвы. На улицах выставили бадьи с вином и пивом и разные яства для народа. Многие кричали: «Патриарх женился! Патриарх женился!» и «Да здравствует патриах с патриархшею!»

Точное описание этой шутовской свадьбы оставил камер-юнкер Ф.В. Берхгольц: «Новобрачный и его молодая, лет 60, сидели за столом под прекрасными балдахинами, он с царем и господами кардиналами, она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой. . . После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в. . . широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей пред домом Сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* [половых органов. – Л.Б.] . . . и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении».

В 1718 году Всешутейший патриарх отошел в мир иной. Дети его, вынужденные вести с мачехой тяжбу из-за наследства, не уставали говорить о невменяемости старика-отца, «обретавшегося в младенческом состоянии», и корили Стремоухову, что та «уморила его плотской похотью». Царь же писал о Никите Моисеевиче: «Отец наш и богомолец князь-папа, всешутейший Аникита, от жития сего отъиде, и наш сумасброднейший собор остави безглавлен».

Но – свято место пусто не бывает! – вскоре был найден новый князь-папа, дворянин П.И. Бутурлин. Ему-то от почившего в Бозе Зотова перешла вместе с шутовскими атрибутами и жена Всешутейшего патриарха – Анна Еремеевна.

Лютый и преданный Федор Ромодановский

Существует легенда, о которой поведал панегирист Петра Великого А.К. Нартов. После поражения под Нарвой царь был озабочен нехваткой денег на артиллерию для новых баталий с неприятелем. В смятении духа он решил было переплавить на пушки церковные колокола, как вдруг к нему обратился почтенный старик (царь называл его «дедушкой»): «Успокойся!.. Я помощь государству в такой крайности учинить должен... Пойдем теперь, но не бери с собой никого». Под покровом ночи они прокрались в палату Тайного приказа, где «дедушка» подвел Петра к массивной железной двери. Заржавевший от времени замок с трудом поддался, и, «к несказанному удивлению, увидел его величество наваленные груды серебряной и позолоченной посуды и сбруи, мелких серебряных денег и голландских ефимков... множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатов и шелковых материй». Растроганный царь благодарил верного слугу и недоумевал, откуда сии сокровища. «Когда родитель твой, царь Алексей Михайлович, в разные времена отъезжал в походы, – отвечивал «дедушка», – то по доверенности своей ко мне лишние деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспоследует в деньгах при войне крайняя нужда. Сие его повеление наблюдая свято и видя ныне твою нужду, вручаю столько, сколько надобно...»

Уточним: «дедушкой» именовался не кто иной, как князь Федор Юрьевич Ромодановский (1640–1717) – глава зловещего Преображенского приказа, князь-кесарь Всешутейшего, Сумасброднейшего и Всепьянейшего Собора и начальник первопрестольной русской столицы в одном лице.

Прямые потомки славного Рюрика, князья Ромодановские были особенно обласканы царем Алексеем Михайловичем. И дед, и отец князя получили при «тишайшем» высокие боярские чины, причем отец, Юрий Иванович, пользовался неограниченным доверием царя, был его любимцем и другом. При дворе находился сызмальства и Федор Ромодановский, ставший в 1675 году комнатным стольником. Потому привязанность к нему царя Алексея была велика.

Но подлинное возвышение нашего героя началось при Петре I. И символично, что Федор пестовал будущего российского императора буквально с колыбели. «Когда в 1672 году праздновалось рождение Петра Алексеевича, – сообщает историк, – то в числе десяти дворян, приглашенных к родинному столу в Грановитой палате, князь Федор Юрьевич Ромодановский показан первым».

В первый же год вступления юного монарха на престол Ромодановскому, «мужу верному и твердому», доверяются весьма ответственные задания – подавление Стрелецкого бунта, а затем надзор за мятежной царевной Софьей, заключенной в Новодевичий монастырь. Одновременно он становится и неизменным участником Марсовых и Нептуновых потех, столь любимых Петром. Так, осенью 1690 года потешные полки и дворянская конница под водительством Федора – «генералиссимуса Фридриха» побил армию другого «генералиссимуса» – И.И. Бутурлина, состоявшую из ненавистных царю стрельцов. Те же «генералиссимусы» возглавляли армии в потешном сражении осенью 1694 года, вошедшем в историю как Кожуховские маневры, где опять солдатские полки вкупе с рейтарами и драгунами Петра I сошлись со стрельцами. «Марш [армий] носил шутовской характер, – отмечает историк Н.И. Павленко. – Впереди Ромодановского маршировала рота под командованием царского шута Якова Тургенева. Ей предстояло сражаться под знаменем, на котором был изображен герб Тургенева – коза... Впереди Преображенского полка шли артиллеристы, среди них бомбардир Петр Алексеев [сам царь. – Л.Б.]. В шествии участвовала рота в составе 25 карлов. Вся эта процессия двигалась под шум барабанов, флейт и литавр». Победа осталась за войсками Ромодановского,

которого называли «королем Пресбургским». Всем участникам маневров этот «король»-триумфатор закатил великолепный пир.

Князь Федор Юрьевич был лют к тем, кого считал изменниками, бунтовщиками и предателями России. Не случайно при Петре он возглавлял Преображенский приказ, ведавший политическим сыском, то есть был главным палачом державы. Одно его имя наводило на окружающих ужас и трепет. «Сей князь был характеру партикулярного, – свидетельствует князь Б.И. Куракин, – собою видом, как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян во все дни, но его величеству верный так был, как никто другой». Кстати, о пьянстве: сам царь, относившийся к алкоголю, мягко говоря, терпимо, корил в письмах князя за то, что тот слишком часто «знался с Ивашкой Хмельницким» (то есть пил горькую запоем). «Неколи мне с Ивашкою знаться – всегда в кровях омываемся», – оправдывался этот заплечных дел мастер.

Историки говорят об особом «пыточном таланте» Ромодановского, о том, что жестокостью он превосходил самого царя, который иногда называл его зверем и выражал возмущение (возможно, показное) его «кровопийством». Розыск в подвалах приказа он вел под хмельком, осушив полштофа «бодрянки». И ежели кто в лапы Федору Юрьевичу попадался, тот заранее должен был готовиться к отходной. Ромодановский подвергал обвиняемых самым безжалостным пыткам. «С дедушкой нашим, как с чертом, вожуся, – писал по этому поводу Петр, – а не знаю, что делать. Бог знает какой человек! Он казнил множество воров и убийц, но видя, что злодеяния продолжают, велел повесить за ребра двести преступников». Известно, что князь собственноручно отрубил головы четырем стрельцам. Не случайно, что, путешествуя по Европе, Петр послал ему из Митавы в подарок адскую машину (он назвал ее «мамуро») для отсекания голов. И Ромодановский не без удовольствия отписал царю, что этой «мамурою» уже обезглавлены два человека.

Даже мрачноватый дом князя, что находился рядом с Преображенским приказом, на Моховой, у Каменного моста, люди старались обходить стороной. Устрашали и герб Ромодановского на воротных столбах с черным драконом на золотом поле, и темные оконные занавески, подвешенные на клыки кабана, убитого князем на охоте (а стрелком он был знатным!). В покоях располагались клетки с говорящими скворцами, один из которых явственно голосил: «Дядя, водочки!»

На дворе Федора Юрьевича были приняты диковатые шутки: всех встречал специально обученный медведь, который подносил каждому на подносе кубок перцовки. И если несчастный тушевался или отказывался пить, косолапый нещадно драл гостя, на что хозяин лишь усмехался: «Медведь знает, какую скотину драть!» Рассказывают, что эту медвежью забаву Петр I приспособил к пользе государственной: тот, кто в объятиях зверя праздновал труса, на царскую милость мог больше не рассчитывать. Такому унижительному испытанию подвергся и П.И. Ягужинский, будучи уже генерал-адъютантом: взяв из лап косматого чарку, он осушил ее одним махом; зверь, однако же, не отпускал его. Тогда Ягужинский со всей мочи ударил медведя в промежность и спокойно сел за стол. На следующий день Ромодановский докладывал царю: «Твой Ягужинский зашиб моего Мишуту. Но скажу тебе, как перед образом, – орел!» (Показательно, что А.С. Пушкин, занимавшийся углубленно историей Петра Великого, в своем романе «Дубровский» воссоздаст характерную сцену травли гостей ученым медведем).

Федор Юрьевич приходился царю свойственником, ибо состоял в браке с сестрой жены его брата, Ивана V Алексеевича, Анастасией Федоровной, урожденной Салтыковой. И Салтыковы, и Ромодановские придерживались взглядов патриархальных, поначалу одевались и трапезничали по старорусскому обычаю. Вот как описывает князя писатель А.Н. Толстой в своем знаменитом романе «Петр Первый»: «В светлицу, отдуваясь, вошел тучный человек, держа в руке посох, кованный серебром, и шапку. Одет он был по-старомосковски в длинный – до полу

– клоквенный просторный армяк; широкое смуглое лицо обрито, черные усы закручены попольски, светловатые – со слезой – глаза выпучены, как у рака».

Говорили, что хлебосольством князь превосходил прочих «птенцов гнезда Петрова». Но изысканных блюд не жаловал, потчужа гостей русскими щами, бужениной из баранины с чесноком, ставленными медами, а также – после перцовки на закуску – пирогами с угрем.

Сторонник старины, Ромодановский следовал, однако, всем новациям, введенным царем-реформатором. В угоду Петру I он (правда, не без некоторого борения) сбрил ветхозаветную бороду и облачился в немецкое платье. Мало того, он стал в этом пункте ббльшим роялистом, чем сам король, – нещадно раправлялся с теми, кто дерзал явиться к нему в дом в старинной длинной шубе и с бородой до пят. Такой незадачливый гость уходил от Федора Юрьевича в шубе, отрезанной до колен, и с бородой, торчащей из кармана, чтобы «ее в гроб положить, если перед Богом стыдно». Оценивая подданных по «годности» и отвергая притязания на исключительность со стороны природных аристократов, Ромодановский и здесь шел за царем. Сам потомок бояр, он, по словам А.С. Пушкина, стал истинным «бичом горделивости боярской», высмеивая и унижая тех, кто кичился своим знатным родом.

Подняв Россию на дыбы, царь-преобразователь в своей повседневной жизни любил замешивать «коктейль» из серьезного и из глумливой шутки. О Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе мы уже упоминали. Уточним, хотя это и не вполне отечественное изобретение (истоки его находят и в западноевропейских «дурацких обществах» и «шутовских гильдиях», а также в пародийных шествиях Византийской империи), для России этот феномен обрел собственный смысл. Он был порождением внутреннего состояния самого Петра, отводившего душу в вине и разгуле. Кошунство Собора выворачивало наизнанку смысл знаков, выставляя сакральное абсурдным, а профанное сакральным. Исследователи сходятся и на том, что свойственные соборянам буйство и выплескивание энергии знаменовали собой менталитет нового времени – убеждение, что природа человека не зависит от его чина, происхождения, образа жизни, предписанной манеры поведения. «Для участников Собора, – подчеркивает историк И. Андреев, – не было ничего святого, что не подвергалось бы ниспровержению и осмеянию».

Во всепьянейших оргиях и вакханалиях видели и грубую издевку над христианской церковью (причем не только католической, но и православной). Каждого алкаша-неофита вместо «Веруешь ли?» вопрошали: «Пьешь ли?» и окунали в купель, наполненную не святой водой, а пивом и водкой, или же заставляли петь срамные гимны, положенные на священную музыку. Вместо Евангелия – водочный ящик, вместо поклонения Всевышнему – служение языческому богу вина Бахусу.

И сами члены Собора, словно церковная братия, имели каждый свой сан. Царь был всего лишь скромным протодьяконом, а вот «дедушка» Ромодановский в этой потешной иерархии занял самый важный пост – князя-кесаря. И вот что характерно: соборяне часто употребляли в речи ненормативную лексику (вместо «монахиня» говорили «монахуйня», вместо «анафемствовать» – «ебиматствовать» и т. п.). По настоянию Петра все они получили матерные прозвища – сам Петр именовался «Пахом-пихайхуй», а, к примеру, бывший учитель царя Н.М. Зотов, помимо патриарха «от великих Мытищ до мудищ», звался «Петрапизд». И только один князь-кесарь Ромодановский был лишен бранной клички. Соборяне торжественно пели ему аллилуйю.

Как известно, кесарю – кесарево: Ромодановский, обладавший высоким шутовским титулом, был окружен отнюдь не шуточными почестями. Когда кесарь восседал на троне и проносил, как заклинание: «Пьянство Бахусово да будет с тобою!», все ему раболепно кланялись, не смея даже поднять глаза от страха. Сам царь Петр Алексеевич целовал кесарю руку, а в письмах аттестовал его: «Государь», «Min Her Kenich», «Ваше Пресветлейшество», «Ваше

Величество», себя же называл «рабом» и «холопом», демонстрируя тем самым свое верноподданничество.

Некоторые исследователи склонны видеть в таком восхвалении насмешку царя над Ромодановским. Этот почин Петра сравнивают с известной лицедейской причудой Ивана Грозного, когда тот вдруг назвал «царем Московским» крещеного татарского князя Семена Бекбулатовича и писал ему льстивые послания. Но татарин пробыл на русском престоле недолго и был чисто ходульной фигурой, между тем как в руках Ромодановского Петр сосредоточивает вполне реальную, а подчас даже неограниченную власть. И речь идет не только о Преображенском приказе, где Федор Юрьевич хозяйничает по своему хотению. Отправляясь за кордон, царь доверяет ему Первопрестольную, приказав «править Москву, и всем боярем и судьям прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда похочет». Если Ромодановский – только шут, то как объяснить то, что царь поручал ему серьезнейшие и ответственные дела, от которых в буквальном смысле зависела судьба всей империи? Приведем отрывок из его письма к Ромодановскому от 22 февраля 1706 года, где Петр конкретно указывает князю: «Пороху изволь держать 25 000 пуд постоянно всегда, а что убудет, сейчас дополнить. Фитилю 40 пуд изволь прислать; також 600 палуб для пороха и две тысячи телег простых с нарочитым числом колес и осей... Изволь, сделав... сим путем прислать в Смоленск». И таких писем множество! Известно, что князь-кесарь скрупулезно выполнял все поручения царя, в особенности же это касалось поставок артиллерии для военных баталий. И Петр регулярно отправлял князю подробные рапорты с мест сражений, по-прежнему называя себя его нижайшим рабом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.